

В отличие от «поэзии идеального преобразования жизни», где обобщение строится в направлении к идеалу, обобщенные безымянные образы реалистических эпизодов древнерусской литературы открывают путь ко все более глубокому познанию жизни «какая она есть». Когда уточнится социальная природа таких образов, возникнут социально-групповые портреты демократической литературы XVII в., пока еще лишённые индивидуальных примет. Когда из определенной социальной группы выделится уже не исторический, а вымышленный герой, авторы повестей (бытовых, сказочно-исторических, сатирических) используют опыт, накопленный реалистическим изображением отдельных психологических состояний, чтобы определяющую черту характера такого вымышленного героя представить с наибольшей наглядностью.

В реалистических эпизодах древнерусской литературы обнаруживается рост мастерства художественно правдивого воспроизведения того, чему непосредственно свидетелем автор не был. И. П. Еремин, характеризуя стремление «прозы» древней Руси к «достоверности», пишет: древнерусский писатель «редко выдумывал факты, верный своей задаче достоверно описать то, что было» (стр. 77). Вряд ли удачно этот термин «выдумывал факты» определяет сущность художественного вымысла, наличествующего уже в старшем историческом повествовании. Он не напоминает о главном — о том, что этот вымысел отвечал определенной цели автора и что он именно в реалистических эпизодах бывает художественно правдоподобным.

Мы видели, как художественно правдоподобны и вымышленные обобщенные образы дидактической литературы, опирающиеся на впечатления от жизни «какая она есть» и не возведенные к идеалу. На долю художественного вымысла приходится здесь самая сводка в единый безымянный образ бытовых впечатлений, накопленных писателем в разной обстановке, но характеризующих одно и то же явление. Так же художественно вымышлены, хотя и основаны на жизненных наблюдениях, психологические обобщения «Моления» Даниила Заточника, социальные характеристики его, окрашенные иронией, поскольку они изображают не частные, единичные факты, а то общее, что определило оценку автором современной ему общественной и семейной жизни. Развитие литературы как искусства отражено и этой стороной реалистических элементов древнерусской литературы.

Реалистические тенденции древнерусской литературы, воплощенные и в описаниях событий, и в раскрытии сердца, помыслов человека вообще или конкретного исторического лица, доказывают, что «выход на широкие просторы искусства» открывался писателю XI—XVII вв. не только через «идеальное преобразование жизни», что создание «художественных образов» не было привилегией только этого литературного метода.

Изучение лирической стихии древнерусской литературы возвращает нас к вопросу о ее реалистических тенденциях. В самом деле, свое общественное сознание, свои гражданские чувства древнерусский писатель умел выражать разными средствами. Оставаясь на почве религиозно-философского осмысления событий жизни страны, он облакал, например, скорбь о бедствиях родины и тревогу за ее судьбу в форму обличений и угроз «слова о казнях божиих» или апокалиптических образов эсхатологической литературы. Образцы такого рода гражданской лирики он имел и в библейских пророческих книгах, и в псалтыри, и в византийско-славянской учительной литературе на темы общественной морали.

Однако древнерусский писатель, окрашивая своим отношением изображение исторической действительности, часто представлял свои гражданские настроения не в религиозной оболочке, закономерной для средневековья, а в прямом их жизненном выражении. Реалистичность лирической стихии,